

О НЕКОТОРЫХ ВАРИАНТАХ ГРЕЧЕСКОГО ИМЕНИ Κωνσταντῖνος
В ЛЕТОПИСНЫХ СПИСКАХ "ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"

Выдающийся памятник древнерусской истории, литературы и языка "Повесть временных лет", написанный около 1113 г. киево-печерским монахом Нестором, дошел до нас в составе позднейших летописных сво- дов. Самый древний из списков принадлежит Лаврентьевской летописи 1377 г., отстоящей от времени написания оригинала более чем на два с половиной столетия. Несмотря на столь значительное расхождение во времени, летописные списки произведения Нестора сохранили драгоценные формы древнерусского языка киевской поры, к которым мы относим и варианты дошедшего до нас через греческое посредство имени Κωνσταντῖνος.

Собственное имя Константин в "Повести временных лет" встречается при назывании византийских императоров Константина I Великого (306-337), Константина У Моноборца (741-775), Константина УП Багрянородного (между 913 и 920 - между 944 и 959), Константина УП (1025-1029), Константина IX Мономаха (1042-1055), Константина-Кирилла, первоучителя славян (827-869), и киевских воевод: Константина Добрынича и Косняча, упоминаемых соответственно под 1018 и 1068 гг.

Для анализа мы привлекли все основные списки "Повести временных лет", изданные в составе "Полного собрания русских летописей". Антропоним Константин в этимологически верной форме приводится только в единственном относительно позднем списке Тверской летописи 1534 г. Списки XIV-XV вв. - Лаврентьевский, Радзивилловский, Московско-академический, Мпательвокий, списки Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов и другие знают в основном вариант Кос(ь)гянтинъ и редко - Костянтинъ. Кроме того, при именовании киевских воевод Константина Добрынича и Коснячка встречаются формы: 1018 г. - Коснятинъ [16; 22; 18; 20; 24], Къснятинъ [17]¹, Снятинъ [18]; 1068 г. - Косняча(я) - в.п. [21; 19; 20; 23; 24].

1. Вариант Къснятинъ извлечен из кн.: [1]. В вариантах и Лаврентьевской летописи по первому тому Полного собрания русских летописей различение Радзивилловской летописи не приведено.

Косняч(ь)на - в.п. [16; 24], Кисняча - в.п. [17; 18]. Ср.: название города Коснятинь [16. С.250] в "Пручении" Владимира Мономаха.

При анализе летописных вариантов греческого имени Κωνσταντῖνος необходимо остановиться на трех озвечениях гласных с носовой н, невозможных фонетически в древнерусском языке начала XII в. Действительно, в начальном слоге Кон- в летописных списках н появляется, начиная с XVI в., ср.: старая гипокористическая форма имени Костя также не содержит н. Отсутствие н в первом слоге имени исследователи были склонны объяснять диссимилятивным выпадением н уже на византийской почве. Как пишет Э. Швейер, по диалектам греческого языка "после долгого гласного н исчезло бесследно", видимо, "имя Κωνσταντῖνος потеряло носовой и в латинском" [2. S.287]. Несмотря на исчезновение назального н в имени Константин по диалектам среднегреческого языка, в византийских памятниках оно всегда пишется. Ранние древнерусские памятники достаточно округленно следуют греческой орфографии заимствованных слов, а не живому произношению, поэтому в русских текстах ожидается сохранение н в начальном слоге, но этого не происходит.

Однако носовой огласный перед глухим был чужд и древнерусскому языку, и звук н в озвечении гласный + носовой, не поддержанный, в отличие от греческого языка, ни письменной традицией, ни произношением, в памятниках не фиксируется. Ср.: чаша (чаша, поуде) < τράχη, подица < ποδιναδιλο, Китаярь < κεῖταιρος [3. С.74; 4. С.76, 88-89]².

Итак, первоначально в русских памятниках, следуя олавинскому произношению, носовой н в первом слоге не писался³.

Обращает на себя внимание параллельное существование летописных вариантов Костя(н)тинь, Коснятинь. П. Хобнер, привлекая греческие формы κεδῆτης и κευτῆτης, σαχτῆρι и σταχτῆρι, объясняет возможность выпадения первого т в имени Константин в греческом языке. Ватем в гипотетическом имени *Кьлатинь, образованном

2. И. Фоммер и А. И. Соболевский полагают, что в слове чаша н утрачена уже в греческом языке [3. С.126; 5. С.16-17].

3. Ср.: написание древнейшего заимствования из скандинавских языков: Игорь вместо этимологически более верной передачи Ингвальд (др.-сканд. Ingvald), известной только поздним русским летописцам.

ит греческой формы * Κοσταντίνος, ученые предполагают произношение нА вместо д под влиянием конечного -(ти)нѣ [6. С. 190]. Мы также полагаем, что носовой в сочетании -он- возник не без влияния конечного -(ти)нѣ, но произошло это не в гипотетическом имени *късатинѣ, а в реальном варианте Костятинѣ. После этого образовались параллельные формы Костянтинѣ и *Костянтинѣ. Двойное написание д могло возникнуть и чисто графически из написания с выносным н: Костятинѣ, последующий переписчик мог внести выносную бумву в строку и до -н(д)- и после него. Выпадение т, д перед к, д, н обычно явление в восточнославянских языках, ср.: оклянка, прав(д)ник, шест(т)нацать, дес(т)ница.

Но получило однозначного решения появление ѣ на месте исконного о в слове дон-. После падения редуцированных ѣ исчез. В "Поэти временных лет" представлены все ступени этого изменения: Костя(н)тинѣ > К^остя(н)тинѣ (с выносным о) > Къснѣтинѣ > Кснѣтинѣ > Снѣтинѣ. Ср.: Снѣтын, город на р.Прут в Ивано-Франковской области УССР.

П. Хобнер считает ѣ рефлексом редуцированного греческого о, точнее у из безударного о [6. С. 190]. К сожалению, как мы уже отметили, имя *Κοσταντίνος нигде не зафиксировано.

Б.М. Дялунов о форме Къснѣтинѣ совершенно справедливо пишет: "...хотя это очевидная переделка из Константинѣ > Костянтинѣ, где правильно о, но в форме Къснѣтинѣ считаю более первоначальным ѣ потому, что так пишется эта форма в старославянском памятнике XI в., когда не писали ѣ вместо о". Б.М. Дялунов, как до него и А.И. Соболевский, объясняет ѣ вместо о народной этимологией, сближением слова по семантике с южнославянскими къснѣти или къснѣти "медлить" [7. С. 78; 9. С. 145]⁴. Нельзя не согласиться с мнением наших знаменитых ученых о большом влиянии известных полей на осмысление имен в народной этимологии, ср.: Стокольна вместо Стокгольм, Соколин (остров) вместо Сахалин, Берегой в украинских говорах вместо Черемия [9. С. 145]. Мы не согласны со сближением по аналогии локального къснѣти с общеславянским заимствованным Константинѣ. Поэтому предполагаем здесь сближение имени с распространенными глаголами с предлогом сън, например: ати - сънати (онять, сорвать), сънати (собраться, скопиться, объединиться, встретиться и т.п.) [10.

4. См. также более раннее высказывание Б.М. Дялунова по этому поводу: [6. С. 78].

С. 782-784]. После прошедшего падения редуцированных и связанных с ним процессов древние устные заимствования имени, не подвергшиеся книжному выравниванию, окончательно сблизились с глагольной формой: снати - Снати⁵.

Второе сочетание гласного с носовым в имени Константинь, соответствующее гр. -αυι-, регулярно передается через -ит(Ант)-, -янт(Ант)-. М.Фасмер появление я(А) в имени Константинь вместо ожидаемого у(х), как в древнейших заимствованиях, объясняет посредством звука ä, носового гласного, близкого к ä, [4. С.7]. А.И.Соболевский и Б.И.Липунов также высказываются в пользу того, что посредствующей стадией между иноязычными сочетаниями ал, ел, ил и русскими я, у были стадии с назализованными гласными [9. С.19-20; 8. С.77-78]. А.А.Шахматов о некоторых словах христианской терминологии, в том числе собственных именах, придерживается особого мнения: "Сочетания гласный + носовой изменились в носовой на древнеболгарской почве; соответствующие русские чистые гласные являются передачей болгарских носовых" [12. С.23-24]. Для сравнения ученый приводит старославянские и древнерусские формы: костянтинь, Климять, Климять, Пятаилемонь, Пянтельмонь и т.п. Исследователь ничего не говорит о восстановлении сонорного н, но летописные примеры убедительно свидетельствуют о том, что на русской почве в исторический период этимологически более древняя форма Костянтинь и новая Константинь являлись равноправными⁶. По-видимому, в варианте Константинь произошла контаминация устной формы имени Костянтинь с его письменной/кинописной передачей Константинь. Как мы отметили вначале, книжное сочетание -ант- встречается почти регулярно только в одном Тверском списке, а все остальные списки передают -янт(Ант)-.

5. Заслуживает внимания также сближение имени Константин со словом костенець "претворяться в кость, застывать, замерзеть, цепенець". По народным приметам крестьян Новгородской губернии нельзя было саять лен 21 мая в день св.Константина и Елены, так как посеянный в этот день лен закостенеет, т.е. не вырастет [11. С.104].

6. Ср.: "В позднейших заимствованиях... на славянской почве встречается уже vocal + nasal: таляньць, камьбана, лямьбада, каланьда и т.п." [13. С.203]. Необходимо добавить, что в данных заимствованиях после vocal + nasal всегда следует ь, что решительно меняет слоговую структуру слова.

Сочетание гласный + носовой в последнем слоге -инь сохраняется при всех употреблении имени Константинь, кроме антропонима Коснячь(ко), возможно, это уменьшительная форма. Как уже было указано, конечное -тинь немало способствовало ассимилятивной реконструкции и в предшествующем слоге в виде -ян- или -ня-?. Сочетание -(т)инь находилось под влиянием пососисивных форм, как Шутитинь, Вышатинь... и перед конечным гласным ь не дало нигде носовых рефлексов. О том, что -инь ассоциировалось с притяжательными суффиксами, убедительно говорят формы Коснячь(ко), Киснячь, II46 г. - Коснятко, Къстяжа [19. С.328], в которых отбрасывается предполагаемый прилагательный суффикс -инь и происходят дальнейшие фонетические и морфологические изменения.

Появление варианта Киснячь было вызвано краткостью и неопределенностью по качеству безударного и в заимствованных греческих словах. Поэтому в антропонимах "Повести временных лет" встречается мена и/ь/ь/о: Дмитрии, гр. Δημήτριος - Дьмитр(и) - Дьмитр(и) - Дмитр(и) и возникновение анаптикического и: Сбливостьрь, гр. Σβλιεστριος. Как любое достаточно чистое фонетическое явление мена и/ь имела и гиперкорректное превращение ь,ь/и. Полагаем, что форма Киснячь возникла от варианта Къснячь (< Къснятинь) именно подобным образом (ср.: Иъстиолавь, 945 г. - оць Иъстиинь [20. С.43], оць Истиинь [16. С.55]; читать - чтение), а не вставкой безударного и в сочетании къ, как пишет П.Хабнер [6. s.128].

7. В подобных случаях, видимо, можно говорить о ритмической организации длинных иноязычных слов, когда из-за сложности приращения говорящий делит слово на ритмические группы, между которыми образуются небольшие паузы. В имени Константин основные и, геминизируясь, хорошо "тянутся", завершая каждую слоговую группу - Кън/стян/тин, поэтому, на наш взгляд, имя в несколько измененной форме достаточно рано вошло в русский обиходный язык. Ср.: 912 г. - Нав/ход/нав/сорь [18. С.41], гр. Ναυροχόβος, хотя имя очень хорошо членилось на открытые слоги.

8. С.А.Высоцкий, исследовавший граффити Софии Киевской, отметил, например, около двадцати записей слова писаль как уль, уаль, усаль и только по одному разу писаль и псваль [см.: 14; 15].

Итак, летописные варианты греческого имени Κωνσταντῖνος дают прекрасный материал для анализа пути проникновения заимствованных слов в древнерусский язык.

Источники и литература

1. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. I.
2. Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, 1939.
3. Линдeman М. К. Греческие слова в русском языке: Экскурс в область истории русского языка. М., 1895.
4. Фасмер М. Гречко-славянские этюды. II. Греческие элементы в русском языке // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности Академии наук. СПб., 1909. Т. 86.
5. Соболевский А. И. Славянское миса // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. Т. 2, № 2.
6. Mübner P. Zur Lautgestalt griechischen Heiligennamen im Russischen seit dem 11 Jahrhundert. Bonn, 1936.
7. Ляпунов Б. М. О некоторых образованиях имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках // Изв. АН СССР. М.; Л., 1935. Т. 45.
8. Ляпунов Б. М. Памяти академика Алексея Александровича Шахматова // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Академии наук. 1925. Т. 29.
9. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
10. Срезневский И. И. Материалы для древнерусского словаря. СПб., 1912. Т. 3.
11. Мирославская А. И. Собственные имена в "Новгородских записных каменных книгах 100-104 и 111 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 1955.
12. Шахматов А. А. Исследования в области русской фонетики // Русский филологический вестник. Варшава, 1893. Т. 29.
13. Фасмер М. Гречко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Академии наук. 1907. Т. 12, кн. 2.

14. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. Киев, 1966. Вып. I.
15. Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI-XVII вв. Киев, 1976.
16. Лаврентьевская летопись, 1377 // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Л., 1926. Т. I.
17. Радзивиловская летопись XV в. (В вариантах Лаврентьевской летописи) // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Л., 1926. Т. I.
18. Московско-академическая летопись конца XV в. (В вариантах к Лаврентьевской летописи) // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. Л., 1926. Т. I.
19. Ипатьевская летопись, 20-е гг. XV в. // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2.
20. Хлебниковская летопись XVI в. (В вариантах к Ипатьевской летописи) // Полн. собр. рус. летописей. СПб., 1908. Т. 2.
21. Новгородская Первая летопись младшего извода // Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950.
22. Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М., 1950.
23. Московский летописный свод конца XV в. // Полн. собр. рус. летописей. 2-е изд. М.; Л., 1949. Т. 25.
24. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полн. собр. рус. летописей. СПб., 1863. Т. 25.